

Полный Чеховъ

Передъ нами первые пять томовъ полного собранія сочиненій А. П. Чехова, выпускаемаго Госиздатомъ. Оно является «смысловымъ исчерпывающимъ сводомъ произведений писателя». За 25 лѣтъ, протекшихъ со дня смерти Чехова, появилось немало число рассказовъ, фельетоновъ и статей, не вошедшихъ въ прорецензированный имъ самимъ собраніе сочиненій. Уже дополнительные къ этому собранію томы (вышедшіе въ 1911 г.) включили большинство тѣхъ произведений періода молодости, которые отвергъ для перепечатки самъ авторъ. Съ тѣхъ поръ накопилось еще немало такихъ дополненій. Редакторы новаго, уже «полнаго собранія» (А. В. Луначарскій и С. Д. Волухатый) не говорятъ намъ въ предисловіи, найдены ли для этого изданія новые тексты. Они думаютъ, что «сучетъ всего литературнаго наслѣдства Чехова подходить къ концу». Не знаемъ мы также, будутъ ли дополнены новыми находками и письма Чехова — замѣчательная часть этого наслѣдства. Во всякомъ случаѣ, по сравненію съ первымъ, шеститомнымъ изданіемъ писемъ, вышедшимъ М. П. Чеховой, томы, посвященные письмамъ, должны значительно вырасти въ этомъ изданіи. Находокъ слѣдано много, но онѣ остаются еще необъясненными. Въ общемъ, судя по первымъ томамъ, полное собраніе составить, вѣроятно, не меньше 25 — 30 книгъ большого формата.

Интересъ изданія увеличивается примѣчаніями и комментаріями, для которыхъ используются авторскія рукописи и корректуры, хранящіяся въ музеѣ имени Чехова при бывшей Румянцевской библиотекѣ, письма къ Чехову, а также газетно-журнальная литература времени перваго появленія различныхъ произведений Чехова въ печати. Весь этотъ матеріалъ, въ значительной мѣрѣ впервые публикуемый, показываетъ, какими путями создавались произведенія Чехова и входили въ читательскій оборотъ. Для выясненія этихъ вопросовъ, комментаріи и примѣчанія, со-

ставленные очень внимательно, представляютъ большую цѣнность. Ими заканчивается каждый томъ. Кроме того, къ ряду томовъ будутъ даны и вступительныя статьи, освѣщающія главнѣйшія стороны дѣятельности Чехова-художника. Первому тому предпослана довольно обширная по размѣрамъ «соціально-творческая біографія писателя», составленная покойнымъ В. Фриче. Эта попытка классовой оцѣнки Чехова не представляетъ никакого интереса. Гораздо цѣннѣе другія вступительныя статьи. Во второмъ томѣ Ю. Соболевъ, давно работающій надъ Чеховымъ, прослѣживаетъ его «писательскій путь». Статья написана съ хорошимъ знаніемъ предмета и даетъ обширный, хорошо подобранный матеріалъ. Дополненіемъ къ ней служатъ въ четвертомъ томѣ статьи А. Дермана — «Какъ работалъ Чеховъ» и С. Волухатого о «Мелкихъ журнальных произведеніяхъ Чехова».

Первые литературные опыты Чехова, написанные имъ въ седьмомъ классѣ гимназіи — драма «Безотцовщина» и водевиль «О чемъ курица лѣзла» — не вошли до насъ. Позже, старшій братъ Антона Павловича, Александръ, писалъ ему: «Ты напоминаешь о «Безотцовщинѣ». Я умышленно молчалъ, я знаю по себѣ, какъ дорого автору его дѣтище, а потому... Въ «Безотцовщинѣ» двѣ сцены обработаны гениально, если хочешь, но, въ цѣломъ — она непростительная, но и нелишняя ложь. Что твои драма ложь — ты это самъ чувствовалъ, хотя слабо и безотчетно. А, между прочимъ, ты на нее затратилъ столько силъ, любви и мукъ, что другой не напишешь».

Еще гимназистомъ, Чеховъ сталъ посылать въ московскій юмористическій журналъ «Будильникъ» анекдоты и остроты, и нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны. Первый рассказъ, подъ псевдонимомъ «Антонша Чехонте» (такъ называлъ Чехова въ гимназіи законоучитель), появился въ петербургской «Стрекозѣ» 8 марта 1880 года. Чеховъ былъ тогда уже московскимъ

студентомъ-медикомъ. Редакція въ почтовомъ ящикѣ ободрила дебютанта: «присланное пошлется, благословляемъ на дальнейшее подвижничество». Гонораръ Чеховъ получилъ по 5 коп. за строку. «Стрекоза» напечатала еще нѣсколько его рассказовъ, но къ концу года, забравъ рядъ вещей, въ почтовомъ ящикѣ дѣлала автору предостереженія: «Не расцѣвѣвъ, увядаете. Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ своему дѣлу».

Первый печатный рассказъ Чехова — «Письмо лонскаго помѣщика Степана Владимировича Н. ученому сосѣду, доктору Фридриху» мѣтко пародируетъ высерпентный стиль педантика, любящаго иностранныя слова. Еще мальчикомъ, Чеховъ любилъ изображать нѣжныя лекціи и сцены, кому-нибудь подражая, и среди этихъ домашнихъ импровизаций была и лекція старика-профессора, потомъ, по свѣдѣтельству Мих. Пав. Чехова, составившая почти слово въ слово первый рассказъ Антона Чехонте. Въ архивѣ Чехова сохранилось старинное, 1825 года, письмо незнакомца адресата, которое своими архивическими оборотами могло быть только его стилистическою пародіей. Въ томъ же номерѣ «Стрекозы» напечатана за подписью «Антонша» мелочь — «Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. д.». Зарѣе очень тонко подмѣченъ и перечисленъ тѣ персонажи и положенія, которые въ романахъ и повѣстяхъ конца 20-хъ годовъ превратились въ настоящіе литературные штампы. Къ списку осмѣянныхъ имъ въ 1880-мъ году персонажей Чеховъ, черезъ 10 лѣтъ, прибавилъ новыхъ: «отставные капитаны съ красными носами, нѣющіе релетиторы, голодающіе писатели, чахоточная жена-труженица, честные молодые люди безъ единого пятнышка, взаимные дѣланы, добродушные няини, — все это было уже описано и должно быть объяснено, какъ има», — указываетъ А. П. брату.

А когда онъ самъ задумалъ писать романъ, то сообщаетъ А. С. Суворину, что будетъ стараться набѣгать «невѣрныхъ женъ, самоубійцъ, кулаковъ, добродѣтельныхъ мужиковъ, претаныхъ рабовъ, развращенныхъ старушекъ, добрыхъ няню-

шекъ, красноносыхъ капитановъ и новыхъ людей». Нѣкоторыя трафаретныя фигуры, какъ видимъ, уцѣлѣли въ позднѣйшихъ перечняхъ еще со временъ «Стрекозы».

Уже съ первыхъ писательскихъ своихъ шаговъ чувствовалъ Чеховъ отвращеніе къ шаблону и «общимъ мѣстамъ». «Общая мѣста надо бросать, — настаивалъ онъ брату. — Въ описаніяхъ природы слѣдуетъ хвататься за мелкія частности, группируя ихъ такимъ образомъ, чтобы, по прочтеніи, когда закроешь глаза, давалась картина». Иллюстрируетъ этотъ совѣтъ примѣромъ, взятымъ изъ собственнаго рассказа. «У тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотинѣ яркой звѣздочкой мелькало стеклышко отъ разбитой бутылки и покатила шаромъ темная тѣнь собаки или волка». «Чтобы подчеркнуть бѣдность просительницы, — совѣтовалъ онъ въ другой разъ, — не нужно тратить много словъ, не нужно говорить о ея жалкомъ, несчастномъ видѣ, а слѣдуетъ только вскользь сказать, что она была въ рыжей талии».

Конечно, во множествѣ маленькихъ своихъ рассказовъ, «мелочныхъ», которыми написалъ Чеховъ за шесть лѣтъ своей работы въ юмористическихъ журналахъ, особенно въ «Осколкахъ», онъ подчинялся и шаблону, установленному для этого жанра. Но удивительно, что одновременно писалъ и тѣ замѣчательные, крохотные рассказы, которые обратили вниманіе Григорьевича, умолявшаго Чехова бросить «мелочи» и заняться «серьезнымъ дѣломъ». «Какъ репортеры строчатъ замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои рассказы: машинально, полубезсознательно, нисколько не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ», — признавался Чеховъ Григорьевичу. «Есерь», особенно понравившійся Григорьевичу, былъ написанъ, «лежа въ купальнѣ». Знаменитая «Сирена» написана въ одинъ присѣсть, но отходя отъ стола, безъ единой поправки. Съ чрезвычайной быстротой была написана и драма «Ивановъ». «Пьесу я написалъ послѣ одного разговора съ Коршемъ, — сообщаетъ А. П. брату Александръ. — Легъ спать, надумалъ тему и написалъ, потративъ на нее двѣ недѣли, или, вѣрнѣе,

десять дней, такъ какъ были въ двухъ недѣляхъ дни, когда я не работалъ или писалъ другое».

Первая книга Чехова «Пестрые рассказы», вышедшая въ 1886-мъ году, была встрѣчена критикой очень восторженно. Только Скабичевскій въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» писалъ о «грустномъ впечатлѣніи, которое производятъ эти рассказы, несмотря на то, что они облачаютъ молодой свѣжій талантъ».

Успѣхъ перваго сборника и первыхъ серьезныхъ рассказовъ, печатавшихся въ «Новомъ Времени», очень поразилъ самого Чехова и заставилъ его, по другому, съ чувствомъ большой авторской ответственности, отнестись къ своему писательству. И, по мѣрѣ роста самокритики, процессъ творчества становится изъ простаго и беззаботнаго тяжелымъ трудомъ. Не разъ уже указывалось на совпаденіе того, что говоритъ Тригоринъ въ «Чайкѣ» о своемъ творчествѣ и признаніи самого Чехова. «Что касается писанія въ свое удовольствіе, то въ очаровательная (письмо къ М. С. Мининой), прочитавши это только потому, что не знакомы, на опытѣ, со всей тяжестью и съ угнетающей силой этого червя подтачивающаго жизнь, какъ бы мелокъ онъ ни казался вамъ». И въ слѣдующемъ, 1894-мъ году Чеховъ писалъ той же своей пріятельницѣ: «Ни на одну минуту меня не покидаетъ мысль, что я долженъ, обязанъ писать, писать и писать». То же говоритъ и Тригоринъ: «Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или улить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться, а въ вѣтъ, въ головѣ уже вертится тяжелое чугунное ядро, — новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо сѣсть опять писать и писать. И такъ всегда, всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя, я я чувствую, что создаю собственную жизнь».

Но это вѣчное побужденіе «писать и писать» проявлялось у Чехова не въ «припадкахъ» творчества, а въ упорной работѣ обдумыванія. Самый же процессъ писанія былъ трезвымъ, почти яснымъ. «Работаю я теперь столько же, сколько работалъ 3 — 5 лѣтъ назадъ, — писалъ онъ въ 1889 году Суворину. — Работать и имѣть видъ рабо-

тающаго человѣка въ промежуткѣ отъ часа, утра до обѣда и отъ вечерняго чая до сна вошло у меня въ привычку, и въ этомъ отношеніи я чиновникъ. Во мнѣ огонь горитъ ровно и вяло, безъ вспышекъ и треска, оттого и не случается, чтобы я за одну ночь написалъ сразу листа три-четыре или, увлекшись работой, помѣшалъ бы себѣ лечь въ постель, когда хочется спать».

Чеховъ обладалъ совершенно исключительной художнической памятью. Вернувшись съ Сахалина, онъ писалъ знакомому, что «вспоминаетъ все до мельчайшихъ подробностей, даже выраженіе глазъ нашего нарочнаго ресторатора, отставнаго жандарма». Батюшковъ однажды предложилъ Чехову написать «интернациональный рассказъ», воспользовавшись своимъ пребываніемъ за-границей. «Такой рассказъ я могу написать только по воспоминаніямъ въ Россіи, — отвѣтилъ Чеховъ. — Я умѣю писать только по воспоминаніямъ и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и, чтобы на ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно и типично».

Такого же рода процѣживание, — указываетъ въ своей статьѣ А. Дерманъ, — составляло и сущность работы Чехова надъ вѣннейшей формой. Еще въ «осколочную» свою пору Чеховъ говорилъ, что «искусство писать состоитъ, въ сущности, не въ искусствѣ писать, а въ искусствѣ вычеркивать плохо написанное». «Надо вычеркивать опредѣленія существительныхъ и глаголовъ, — писалъ онъ гораздо позже Горькому. — У васъ такъ много опредѣлений, что вниманію читателя трудно разбратся, и онъ утомляется. Безлестностиа должна укладываться въ мозгу читателя сразу, въ секунду».

Самъ Чеховъ отдѣлывалъ свои рассказы, главнымъ образомъ, въ корректурѣ. «Въ рукописи я ничего не вижу», — признавался онъ. Примѣчанія къ дальнѣйшимъ томамъ, гдѣ будутъ напечатаны зрѣлыя вещи Чехова, должны дать интересные образцы этой творческой работы писателя.